

«Я целый мир живой обрел...»

К 80-летию со дня выхода в свет антологии «Поэзия Армении»

В. Я. Брюсов.

В начале мая 1915 г. небольшая группа представителей Московского армянского комитета, возглавляемая поэтом Вааном Терьяном, отправилась из Москвы в Петроград, чтобы в Петербурге к Максиму Горькому, жившему тогда на даче в Мустамьяки в Финляндии.

Цель визита была следующей: предложить Горькому стать редактором намечаемой комитетом антологии армянской поэзии.

Но Горький отказался от этого предложения, так как сам в это время готовил к изданию сборник армянской литературы. Он посоветовал обратиться или к Ивану Бунину, или, что предпочтительнее, к Валерию Брюсову. Не удивительно, что предпочтение было отдано Брюсову, ведь Горький считал его «самым культурным писателем на Руси».

Спустя неделю делегация уже сидела в московской квартире В. Брюсова. Несколькими месяцами позже в своем предисловии к «Поэзии Армении» писал: «Я сначала отшил бы рукопись, но отказался. С одной стороны, мне представлялось невозможным редактировать книгу, относящуюся к той области знания, которая была мне едва знакома, с другой (сознаюсь в этом откровенно), — я не предвидел, чтобы подобная работа могла дать что-либо важное, что-либо ценное мне самому».

Нелишне отметить очень важный момент в этих переговорах армянских писателей с известным русским поэтом: шел второй год войны. Армянская пресса, да и русская тоже, сообщала ужасающие подробности начавшегося уже геноцида армян в Турции.

В многочасовых беседах с Валерием Яковлевичем эта тема не могла не быть затронутой, хотя бы потому, что в числе жертв были и крупные армянские поэты Сиаманто и Варужан, которые были включены в антологию. О них В. Брюсов в своих комментариях к сборнику писал: «Судьба поэта редка, до времени, когда редакторы берут эти примечания (июль 1916 г.), остается невыясненной. Известно, что, из-за Великой войны... они были арестованы турецким правительством, в Константинополе, в числе 10 000 армян (всей местной интеллигенции), и сосланы в глубь азиатской Турции. Перед окнами тюрьмы, в которой были заключены Сиаманто и Варужан, три дня стояли виселицы, причём узника категорически было заявлено, что они будут повешены».

Очень важно, однако, что для русского поэта решающую роль сыграл не этот моральный и даже трагический аспект, а художественная ценность самой армянской поэзии и ее значимость как феномена культуры. В этом же предисловии В. Брюсов, прекрасный знаток древней мировой культуры, пишет: «Мы, русские, как и вся Европа, вспоминаем об армянах лишь в те дни, когда им нужна бывает рука помощи, чтобы спасти их от поголовного истребления окрестными полчищами султана. Между тем есть у армян более высокое право на наше внимание и на внимание всего мира: та высокая культура, которую выработал армянский народ за долгие

века своего самостоятельного существования, и та исключительно богатая литература, которая составляет драгоценный вклад Армении в общую сокровищницу человечества... Знакомство с армянской поэзией должно быть обязательно для каждого образованного человека, как обязательно для него знакомство с эллиническими трагиками, с «Комедией» Данте, драмами Шекспира, поэмами Виктора Гюго».

Между этим восторженным откликом и предваряющим его глубоким скепсисом лежали месяцы огромной кропотливой работы. Прежде всего надо было заинтересовать Брюсова, убедить, доказать, что не кто иной, как только он,

не могли бы заставить меня совершить весь этот труд, прочесть все эти книги, столько учиться и так углубиться в дело! — писал Брюсов в предисловии. — Побудить к этому могло лишь одно: то, что в изумлении источник я нашел неиссякаемый источник высших, духовных радостей... И работа, начатая мною неохотно, принятая затем, как одна из литературных задач, какие мы, писатели по профессии, должны бываем иногда выполнять, постепенно превратилась для меня в заветное, страстно-любимое дело, которое заняло все мои помыслы, к которому я уже мог отдаться, и не мог не отдаться всей душой».

В совершенстве выучить армянский, Брюсов, естественно, не успел, однако знаний, полученных от своего учителя, армянского литературоведа П. Макинцяна, ему было вполне достаточно для огульного перевода поэзии (что очень важно при переводе поэзии). Сохранилось любопытное свидетельство Шенгеле о степени знания Брюсовым армянского языка. В январе 1917 г., находясь вместе с И. Северяниным в Баку, они зашли в номер гостиницы к Брюсову, который «сидел один в своем неизменном спортуке и левой рукой перелистывал какую-то книгу на армянском языке, а правой делал из нее выписки по-армянски же». А книга эта была сборником поэта XVIII века Саян-Новая, язык которого понятен не каждому образованному армянину!

В декабре 1915 г. антология была сдана в печать. Меньше чем за полгода была проделана эта огромная работа. Особая заслуга Брюсова в том, что он сумел привлечь к участию в переводе почти всех лучших русских поэтов того времени:

А. Блока, К. Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса, В. Я. Брюсова, И. Бунину, Вяч. Иванова, Ф. Сологуба, В. Ходасевича, В. Шершеневича и других. Но, пожалуй, лучшая часть сборника (языческая и христианская) — была переведена им самим. Более того, за сравнительно короткое время он успел не только основательно изучить армянскую поэзию с дохристианских времен до начала XX века, но и выступил с лекциями об истории и культуре Армении.

В январе 1916 г. В. Брюсов с женой выехали в Баку, где 8 января в театре Маиляна он прочел лекции об армянской поэзии. Он побывал также в Тифлисе, Эривани и Эчмиадзине.

Ровно через год он снова приехал в Баку, на этот раз с лекциями об Эмиле Верхарне. Местная армянская газета «Арев» по этому поводу писала: «В городе Баку, где боготворится золото, сегодня культура и возвышеннейшие идеи».

В августе 1916 г. сборник «Поэзия Армении» вышел в свет и, несмотря на определенную апатию, царившую (шел третий год войны), вызвал огромный интерес в самых широких кругах русской интеллигенции. Горьковский журнал «Летопись» отмечал:

«Роскошный и объемистый том переводов армянских поэтов является не только событием для армянской поэзии, но и большим праздником для русской».

ПОЭЗИЯ АРМЕНИИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ
ДО НАШИХЪ ДНЕЙ

въ переводѣ русскихъ поэтовъ:

Ю. К. Балтрушайтиса, К. Д. Бальмонта,
А. А. Блока, академика И. А. Бунина,
Валерія Брюсова, Ю. А. Веселовскаго,
Ю. Н. Верловскаго, Вячеслава Иванова,
Степана Сологуба, В. Ф. Ходасевича,
С. В. Шершеневича и др.подъ редакціей, со вступительными
замечаніями и призывающими
ВАЛЕРІЯ БРЮСОВА.Издано
Московского Армянскаго Комитета.
1916.

должен взяться за эту работу, ибо, как пишет в своих мемуарах жена поэта Иоанна Брюсова, «дело было не в том, чтобы изговорить Валерия Яковлевича, а в том, чтобы

Фрик (XIII в.) «Колесо судьбы»

Гей, ты, Судьба! Нам изменив, ты нас свергаешь с высоты,
Ты останавливаешь вмиг коловращенье суеты.
От века зыблующийся мир на склоне скользком держишь ты,
Подставив меру зла, твердишь: «сыпь все заботы и мечты!»

Ах, Колесо! Злодея ты лелеешь в доме золотом,
А честный должен подбирать объедки за чужим столом.
Ты в рыцари выводил тех, кому б сидеть в хлеву свином,
Без заступа ты роешь ров и рушишь праведника дом.

Скажи: «ты — не права, Судьба!» и смех услышишь без конца.
За что ученых гонишь ты, а любишь злого иль глупца?
Из них ты делаешь вельмож, их ты доводишь до венца,
И шлешь по горам и полям бродить за хлебом мудреца.

Теперь еще труднее нам, когда Татарин сел на трон,
Всех обделил он и воров поставил господами он.
Но ты ни с кем ведь не родня: вновь повернется ось времен,
Ударишь ты, и нет царя, исчезнет он, как утром сон.

Как верить, Колесо, тебе, ведь ты не любишь никого!
Нет правды у тебя, нет клятв, нет совести, нет ничего!
Сегодня возведешь на трон, а завтра сокрушишь его,
Повергнешь в пепел и в прах, лишишь — честей, короны и всего...

Перевод В. Брюсова (отрывок).

его заинтересовать, увлечь, потому что он охотно делал только то, чем увлекался».

Брюсов отнесся к этой-творческой работе с удивительной серьезностью. В течение трех месяцев, помимо всех остальных работ, связанных с подготовкой антологии, он вместе с женой изучал армянский язык. Кроме того, ему были обещаны подстрочные переводы и транскрипции. «За несколько месяцев заняты, — вспоминает И. Брюсова, — Валерий Яковлевич сделался восторженным поклонником армянской поэзии и армянского народа».

«Никакие внешние соображения

Отзыв петроградской газеты «Современное слово» был более чем восторженным: ««Поэзия Армении» в переводах русских поэтов не только богатый вклад в литературу, но еще и начало искупления греха. Тяжелого греха незнания, пренебрежения к науке... Я вряд ли ошибусь, если скажу, что все, за исключением самым ничтожным, и не подозревали бытие армянской поэзии, да еще таковой бозавали».

Однако «не подозревали» не только русские, но и многие из армянских интеллигентов. Основная и, пожалуй, самая ценная часть этой 500-страничной антологии включала древнеармянскую поэзию, которая по ряду причин уже превратилась в музейное достояние, доступное лишь некоторым знатокам древнеармянского языка. И дело вовсе не в том, что эти тексты издавались все реже и реже, а скорее в том, что армянская эстетическая (в частности, литературоведческая) мысль еще не выработала современных критериев для нового подхода к собственному наследию. Да и Европа тоже! Лишь в 20—30-х годах эта переоценка древних ценностей нашла место в некоторых европейских литературах (например, движение «гонгористов» в Испании или бурный интерес к творчеству Джона Донна в Англии).

Брюсов и другие русские поэты, перешагнув через столетия и тысячелетия «приблистились к нам свое же достояние. Конечно, «приближение» Брюсова, блестящего знатока древних культур, не аналогично возрождению интереса к высокой культуре авангардистов к высокой классике. И, тем не менее, высокопрофессиональная, уже сформировавшаяся русская школа перевода во многом «осовременила» эту литературу, сделала ее более понятной читателям новых времен. Сам факт антологии, принципы ее составления, подбор и перевода текстов, став художественным явлением своего времени.

Очевидно, известный востоковед Игнатий Крачковский имел в виду именно это, когда писал Брюсову: «Я кончил перечитывать «Поэзию Армении» и должен повторить то же, что уже писал: ни в России, ни в Европе ни одна восточная поэзия не представлена в таком образцовом издании».

Не менее восторженными были и отзывы в армянской прессе. Армянский историк Лео писал: «Это поистине грандиозная задача и гигантский труд... Недаром говорят, что любовь творит чудеса. Брюсов искренне полюбил армянскую поэзию, и в этом секрет его больших успехов».

Брюсов фактически стал первооткрывателем целой плеяды блестящих поэтов-переводчиков с армянского на русский. Это превратилось в живую традицию, продолжающуюся по сей день. В России нет, пожалуй, поэта-переводчика, не обращавшегося в своем творчестве к армянской поэзии.

АЛЕКСАНДР ТОПЧЯН

Париж